МОМЫРИ. *)

Въ Момыряхъ... но напередъ всего надо расказать, что такое Момыри; сказать просто, что такъ называлась деревушка въ пять дымовъ — этого мало; кличка не съ вѣтру берется, а розыскъ, откуда вышло прозванье человѣка или названье мѣста, доводитъ иногда до самыхъ нечаяныхъ открытій. И Момырей моихъ никто не разгадаетъ, кому я не захочу разгадать этой загадки!

Жила–была барышня, избалованая съ малыхъ лѣтъ, какъ это частенько случается у богатыхъ родителей; отъ нянюшекъ, мамушекъ и сѣнныхъ дѣвушекъ своихъ она ничего не слыхивала, кромѣ припѣва: красавица моя; отъ неосторожныхъ

---

*) Въ статьѣ моей: *Словесная Речь* (Стар. возр. № 2), проскочило нѣсколько опечатокъ, по себѣ не важныхъ, но испестрившихъ правописанье: *Росія*, *рускій* и пр. я пишу, не сдваивая буквы *с;* пишу также *писменый языкъ* (а не *писменный*), но: *п√сменный человѣкъ,* граматный, или писатель.

воспитателей слишкомъ рано узнала, что дѣвушки не хвастали, а говорили правду; я потому говорю слишкомъ рано, что она была еще ребенокъ скороспѣлка, умишка ея еще не окрѣпъ и она не могла обсудить, что быть красавицей — это воля Божья, но что въ этомъ нѣтъ ничьей, а ужь всего менѣе своей — заслуги, а потому и кичиться этимъ вовсе некстати.

Ей никогда, ни въ чемъ не отказывали, нерѣдко сорили на пустыя прихоти и наряды ея за одинъ разъ столько, что этими денгами можно–бъ было пособить горю цѣлаго семейства. Само собой разумѣется, что ее воспитывали и обучали чистыя француженки, можетъ быть и очень свѣтскія, ловкія, даже образованыя и добрыя, но все–таки съ легкимъ плясовымъ взглядомъ на жизнь, и потому невольно перенесшія этотъ тепличный цвѣточекъ на чужую почву: онѣ конечно не могли сроднить дѣвочку съ нашимъ отечествомъ, а напротивъ, разрознили ее съ нимъ навсегда. Вотъ корень внутреней усобицы и раздора у многихъ: подъ кѣмъ нѣтъ своей

родной почвы, тотъ остается на вѣкъ шаткимъ и ничтожнымъ.

Пришла пора, и барышня наша, добренькая, но безсознательно своенравная и причудливая, вышла замужъ, по своему выбору и желанью, и по благословенью родителей своихъ. Если мужъ ея оказался порядочнымъ, добрымъ человѣкомъ, то и этому была она не причинна: она выбрала его за гусарскій мундиръ съ золотыми кутасами, не подумавъ о томъ, что взявъ такую богатую невѣсту, онъ конечно выйдетъ въ отставку и заживетъ на покоѣ… безъ кутасовъ! Что дѣлать, она другаго достоинства въ людяхъ не знала, она привыкла цѣнить и вещь, и человѣка по наружному виду, по блеску, красотѣ, по свѣтскому приличію и по причудамъ своимъ; глубже этого воспитательницы ея не сочли нужнымъ вникать или направлять вниманье бѣдной воспитаницы своей. За то она была красавица и очаровательна въ обращеніи своемъ! На долго ли потѣшка эта послужитъ, и что будетъ, когда пролетная пора ея минуетъ — до этого имъ какое

дѣло? Имъ нужно поставить товаръ лицемъ, и затѣмъ раскланяться.

Гусаръ, съ такимъ богатымъ приданымъ, и точно вышелъ въ отставку, и молодые поселились въ дѣдовской вотчинѣ съ прекрасною усадьбой, съ барскимъ домомъ; но барынѣ старина эта скоро надокучила: это, говорила она, ни то, ни сё — ни рыцарскій замокъ на горной скалѣ, ни пастушій пріютъ сельскаго одиночества, услаждающій и покоящій душу; это такая невыносимая проза, что въ четырехъ стѣнахъ тоска беретъ. Барынькѣ вздумалось выстроить себѣ премиленькій, уютный домикъ, въ родѣ виллы, кіоска, китайскаго храма, словомъ, чего нибудь такого изящнаго, замѣстъ топорной усадьбы; и притомъ въ глуши гдѣ нибудь, въ одиночествѣ, гдѣ бы шумныя пѣсни крестьянъ не скребли чуткаго и нѣжнаго уха ея, гдѣ бы несносное мычанье стадъ не тревожило по два раза въ сутки, либо сна, либо сердечнаго раздумья ея — однимъ словомъ, она хотѣла жить одна, съ *монъ — мари*, какъ она всегда называла своего

муженька, произнося впрочемъ слово это не такъ, какъ оно здѣсь написано, а самымъ чистымъ парижскимъ аксаномъ, съ коимъ она сроднилась отъ пеленъ.

Сказано, сдѣлано: выбрали прекрасное мѣстечко, въ раздольѣ, надъ рѣкою, живо выстроили красивенькую избушку на курьихъ ножкахъ, съ разными причудами снутри и снаружи — но мужъ, немножко запугавъ свою причудницу, успѣлъ таки уговорить ее поселить поблизости съ пятокъ семей хорошихъ крестьянъ, чтобы не жить вовсе въ глуши, вдали отъ всякой людской помощи; и это было тѣмъ удобнѣе, что новоселки въ пять дымовъ хорошо пріютились за рощицей, и не мозолили изящной молодой хозяйкѣ глазъ, мужицкимъ видомъ своимъ. Тонкое, впечатлительное чувство ея невыносило такихъ грубостей. А переселить съ мѣста на мѣсто деревню — это ничего не значитъ: стоитъ только приказать, и дѣло будетъ сдѣлано!

Въ этотъ укромный пріютъ положено было переселиться въ годовщину сватьбы,

что и состоялось, и счастливая исполненьемъ прихоти своей, нѣжная супруга задумала увѣковѣчить память этой затѣи, назвавъ новосозданую столицу свою, съ выселкомъ: Mon mari! Это поэтическое названье должно было внушить потомству понятіе о нѣжной любви ея къ супругу, и возбудить въ каждомъ чувствительномъ сердцѣ умиленье.

Вольному воля, спасеному рай — какъ же вы заставите нашего сѣрмяжника затвердить, и даже произносить чистымъ, приличнымъ акцентомъ, такое мудреное слово? Для этого чуть не приставили особаго сельскаго учителя, а бывшему гусару часто доставалось отъ любящей супруги за то, что онъ не пощадитъ ее, не займется этимъ дѣломъ какъ должно и не пріучитъ людей называть господскую усадьбу, не искажая этого дорогаго ей имени! Барыня строго зарпетила называть пріютъ свой иначе, и притомъ не картавить и не говорить *монъ*, съ еромъ на концѣ, безъ всякой нужды, лишь бы только придать слову, нѣмымъ знакомъ этимъ,

возможную грубость — а говорить, какъ прилично чистому французу или покрайнеймѣрѣ человѣку — потому что не могла же она признать полноправными людми тѣхъ несчастныхъ существъ, кои оскорбляли нѣжное ухо ея грубыми ерами. Но природы не переломаешь; слѣдствіемъ всего этого было, что романическому пріюту баловницы дана была кличка *Момыри*; чище и яснѣе этого бѣдные тамбовцы, далеко отставшіе отъ общеевропейскаго просвѣщенья, не могли выговорить мудренаго слова, и *Момырями* зовется деревушка эта и понынѣ.

Такое варварство однако крайне досаждало бѣдной барынькѣ, и она почти обрадовалась, когда послышала въ себѣ внезапно признаки чахотки, отъ которой, конечно, можно найти спасенье въ одномъ только Парижѣ, да развѣ еще въ Ницѣ, хотя и тамъ никто еще не выздоравливалъ отъ чахотки, да и люди вобще живутъ не долѣе нашего. Какая нужда опять таки нашей холенкѣ до того, что двѣсти тысячъ рускихъ, опричь ея, проживаютъ за

границей страшныя денги, легко сказать: десятки миліоновъ рублей — она знаетъ только, что ей вздумалось ѣхать, увѣрена, что коли захотѣлось, такъ и нужно и должно; знаетъ, что денги есть и съ нея ихъ станетъ — и чета наша, живо собравшись, покатила. По тогдашнимъ барскимъ привычкамъ къ своей прислугѣ, взяты были съ собою двое молодыхъ дворовыхъ людей, мальчикъ и дѣвушка, и первый былъ именно изъ семьи, выселеной въ новозданые Момыри, мальчикъ видный и умный, ходившій, въ числѣ другихъ, за бариномъ.

Въ Парижѣ денежки славно проживались; на первое время, покуда дѣло было за новинку, жилось весело; про чахотку скоро позабыли, потому что съ чахоткой нельзя бы было проводить ночи напролетъ въ театрахъ, на балахъ и въ другихъ потѣхахъ, а безъ этого нельзя было бы и жить, все одно, пришлось бы умирать со скуки. Притомъ одна мысль, что живешь въ Парижѣ, въ остіи образованаго міра, въ средоточіи всѣхъ благъ мірскихъ и

усладъ, одна мысль эта возвышаетъ душу, бодритъ и укрѣпляетъ тѣло. На всякій случай однакоже слѣдующее лѣто, для перемѣны, провели въ южной Франціи и въ Италіи, гдѣ, мимоходомъ сказать, чахотокъ болѣе чѣмъ у насъ, и вскорѣ убѣдились, что таскать за собою рускую прислугу, только бремя, а не угодье. Дѣвушку легко уговорили идти доучиваться къ маршандемодкѣ — это и барынькѣ было наруку — а мальчикъ, теперь уже парень на возрастѣ, былъ такъ уменъ, что выпросился въ науку къ любимому своему занятію: у него появилась страсть къ ткацкому мастерству, а насмотрѣвшись искуству этому въ прекрасныхъ заграничныхъ заведеньяхъ, онъ только этимъ и бредилъ. Онъ уже надѣлалъ себѣ, на досугѣ, однимъ перочиннымъ ножичкомъ да какою–то протыкалкой, обращики всѣхъ ткацкихъ становъ, какіе только удавалось ему видѣть, понявъ и отчетливо отработавъ всякую частицу, при самомъ сложномъ ихъ устройствѣ. Онъ поступилъ на большую ткацкую фабрику, переходилъ послѣ съ

одной на другую, и основательно изучилъ все искуство это, въ цѣломъ его объемѣ.

Скажемъ теперь, что мальчика этого звали Васильемъ, по отцѣ Сафроновымъ; а какъ въ заграничномъ паспортѣ понадобилось написать и прозванье его, то ѣздившій за этимъ дѣломъ въ городъ писарь, не зная, было ли у семьи этой какое прозванье, и вспомнивъ, что всѣхъ переселенцевъ этихъ на селѣ прозвали *Момырями*, прописалъ его въ паспортѣ *Васильемъ Момыревымъ*. Вотъ и прибыла у Бога да у царя одна душа, сказалъ шутникъ писарь, а доселѣ Момыревыхъ что–то не слыхать было! Скажемъ еще, что взятая за границу изъ Момырей прислуга отпущена была на волю, почему и родители съ радостью благословили ихъ на дальнюю поѣздку. Теперь же оставимъ навсегда господъ ихъ, которые ѣздили и катались по всей Европѣ, какъ и гдѣ имъ было любо, излечившись отъ чахотки, но скучая повсюду, и займемся однимъ Момыревымъ – который впрочемъ, теперь давно уже чисто произносилъ mon mari, и

самъ потѣшался надъ дивнымъ прозваньемъ своимъ.

Пробывъ нѣсколько лѣтъ за границей, и изучивъ, по особеной склонности, все пряльное и ткацкое производство, заработавъ небольшія денженки и получивъ отъ разныхъ хозяевъ, извѣстныхъ въ торговлѣ, одобрительныя и похвальныя свидѣтельства, Василій Сафроновичъ рѣшился ѣхать на Русь, надѣясь добыть тамъ, по своимъ знаніямъ, кормовое мѣстечко. При этомъ у него была еще и другая дума, которую онъ тотчасъ же исполнилъ: заѣхавъ напередъ въ Парижъ, онъ отыскалъ тамъ подругу свою, выученую мастерицу, и на первой же радостной встрѣчѣ объявилъ ей, что ѣдетъ домой, спрашивая, не будетъ ли отъ нея какихъ порученій.

Агафья, такъ звали ее, заплакала; давно уже она тосковала по дому, по родинѣ, а теперь уже какъ будто оставалась вовсе на произволъ судьбы, на чужбинѣ, въ полномъ, кругломъ сиротствѣ и одиночествѣ. Радуюсь я твоему счастью,

Василій Сафроновичъ, сказала она, а все–таки завидую! что теперь изъ меня будетъ, куда я дѣнусь на чужбинѣ — о господахъ и слуху нѣтъ, Богъ вѣсть гдѣ они — а приведетъ ли мнѣ когда Господь увидѣть свою родную землю? – Неужто судьба моя такая, чтобъ вѣкъ оставаться въ чужомъ народѣ, измыкать жизнь свою на чужбинѣ?

— Сохрани Богъ; для чего это, сказалъ Василій; человѣкъ, конечно, не береза, а все по щиколотки въ свою землю вросъ – и вамъ чай путь открытый, какъ всякому; найдутся люди, подорожатъ вами, повѣрте.

— Да кто же найдется, гдѣ я здѣсь найду своихъ, куда и кого я пойду искать — мое дѣло не ваше, дѣвичье, а меня и такъ уже тоска заѣла!

— Да вотъ что, отвѣчалъ подумавъ и поглядѣвъ на нее пристально Василій: еслибы такое было ваше согласіе, Агафья Ивановна, такъ дѣлу бы пособить очень можно…

— Какъ? спросила торопливо, но робко, Агафья, будто безсознательно догадываясь, о чемъ пойдетъ речь.

— Да по моему бы вотъ какъ, продолжалъ тотъ: коли такое ваше желанье, такъ думается, что жъ бы намъ не ѣхать и вмѣстѣ — только ужъ разлучаться тогда вѣстимо что не приходится, а ужъ надо будетъ дѣло это закрѣпить тутъ, на мѣстѣ, коли вы мною не побрезгаете...

Агафья не долго думала, не ломалась — да и некогда было, и чета тамбовскихъ крестьянъ, завезеныхъ причудами скудоумной барыни своей за тридевять земель, обвѣнчавшись въ Парижѣ, отправилась въ Момыри. Есть пословица: хорошъ Парижъ, а живетъ и Малмыжъ, городишка Вятской геберніи, здѣсь же, не только Малмыжъ, а и самые Момыри, въ пять избушекъ, выманили Василья съ Агафьей изъ Парижа!

Въ Москвѣ Василій Сафроновичъ остановился, для осмотру пряльныхъ и ткацкихъ заведеній всѣхъ родовъ, особено одно цѣня наше суконное и вобще шерстяное производство, хорошо понимая, что оно, въ будущемъ, должно быть для насъ гораздо выгоднѣе и важнѣе прочихъ.

Онъ всюду умѣлъ сказать умное и дѣльное слово; вездѣ онъ, не только опытнымъ и острымъ глазомъ своимъ сразу видѣлъ всѣ ошибки или недостатки, но въ тоже время указывалъ и на лучшій способъ ихъ исправленья. Фабриканты скоро его узнали, а когда онъ предъявилъ заграничныя свидѣтельства свои, то ему сдѣлано бы нѣсколько выгодныхъ предложеній: онъ принялъ управленье большой суконной фабрики по близости своей родины. Отправляясь, съ женою, на свою сторону, Василій Сафроновичъ прямо, напередъ всего, заѣхалъ въ свои Момыри.

Разукрашеная всѣми причудами усадебка уже начинала разрушаться. Грустно ему было смотрѣть на оторваныя тутъ и тамъ узорочныя и рѣзныя прикрасы, на башенку, съ изогнутымъ въ колѣно шпилемъ, на зеленую, муравленую черепицу, беспорядочно перебуровленую и мѣстами уже искрошеную на землѣ; эта красивая и въ другихъ мѣстахъ прочная крыша не по нашему погодью: наши снѣга ложатся на нее съ такою тяжестью, что

сползающіе по ней въ оттепель снѣжныя толщи сдвигаютъ ее съ мѣста, и у насъ черепицу почти ничѣмъ нельзя удержать. Словомъ, все это новенькое зданіе, отель, вилла или кіоскъ Момыри, на скору руку выстроеное, начинало уже разрушаться. Гдѣ только крыша тронулась, тамъ потолки протекли, а отъ печи гниль и порча пошла по всему дому.

Поворотили за рощицу и остановились у самой деревушки. У Василья и Агафьи сердце сильно билось. Соскочивъ съ повозки, перекрестясь, онъ взглянулъ на свою родную избу, и по наружному, растроеному виду ея угадалъ что–то недоброе. Словно Мамай воевалъ, подумалъ онъ; можетъ ли быть, чтобы у моего отца дворъ былъ разгороженъ, а ворота на боку... Онъ быстро вошелъ въ избу, ничего не видя заплывшими глазами, помолился въ красный кутъ, на знакомое сдѣтства тябло, нетерпѣливо стряхнулъ докучливую слезу съ ресницъ, протеръ очи и оглядѣлъ избу: передъ нимъ стоялъ дядя, плохой, или по тамошнему ледащій

мужичишка, коего переселенье сюда изъ села не предвѣщало ничего добраго. Василій узналъ дядю, но дядя его не узналъ, а кланялся хорошо одѣтому купцу, какимъ почиталъ Василья, который бросилъ фракъ свой въ Москвѣ и сталъ одѣваться поруски.

Оказалось вотъ что: отецъ и мать Василья давно померли, сестра была выдана на село, а братъ поступилъ въ солдаты. Семьи нѣтъ, домъ опустѣлъ, и управитель перевелъ въ него ближайшаго сродника умершаго, брата его, жившаго довольно беспутнымъ бобылемъ на селѣ.

Василій на минуту призадумался, а потомъ позвалъ жену, сказавъ ей все въ короткихъ словахъ; оба вмѣстѣ еще разъ усердно помолились, поминая родителей, а затѣмъ, поклонились дяди въ ноги, какъ старшему въ родѣ, и просили благословенья. Беспутный дядя, не привыкшій къ такимъ почестямъ, не зналъ куда дѣваться: онъ и самъ крестился, и ихъ крестилъ и кланялся въ поясъ.

Теперь поѣдемъ на село, сказалъ Василій, пригласивъ и дядю, для почету, съ собою.

Тамъ было другое: Агафьина большая семья вся здравствовала и слезамъ и радостямъ не было конца. Все село встревожилось и сбѣгалось, поглядѣть на нежданыхъ выходцевъ, особено бабы, въ пестрыхъ красивыхъ поневахъ своихъ, въ шитыхъ красной бумагой рукавахъ и насовкахъ или передникахъ, бѣгомъ впритруску спѣшили со всѣхъ концевъ къ Агафьиной избѣ, будто боялись опоздать, и громко перекликались другъ съ другомъ по широкой улицѣ, выражая и радость и удивленье свое.

Василій Сафроновичъ распорядился такъ: Въ тотъ же вечеръ сходилъ онъ съ женою, пригласивъ съ собою священика, на могилки, поклониться праху родителей; на другой день заказалъ обѣдню и отслужилъ панихиду; затѣмъ было образованье, т. е. благословенье молодыхъ, и княжій столъ, въ домѣ родителей Агафьи. Тутъ много было шутокъ и смѣху, потому что

расходившіеся гости, то трунили надъ бездомнымъ дядею, который попалъ въ такой почетъ, то требовали отъ названыхъ молодыхъ исполненья всѣхъ обрядовъ, вошедшихъ въ обычай для жениха съ невѣстой.

Кончивъ все это, они отправились къ своему мѣсту, гдѣ Василій Сафроновичъ вскорѣ заслужилъ полное, неограниченое довѣріе своего толковаго хозяина, и распоряжался дѣломъ къ полному его удовольствію.

На Васильѣ съ Агафьей подтвердилась пословица, что на человѣчью глупость есть Божья премудрость. Судьбу людей строитъ не человѣкъ, а провидѣнье. Безъ всякаго дурнаго умысла, по прихоти и по привычкѣ дѣлать зря, что вздумается, что отъ нечего дѣлать на умъ взбредетъ, барынька наша выстроила себѣ Момыри; также легкомыслено покинула ихъ, отроднила отъ семьи Василья съ Агафьей, сама незная къ чему, бросила ихъ, когда ей тащиться съ ними надоѣло, и болѣе объ нихъ не заботилась, а думала только о себѣ, о

новыхъ причудахъ, о томъ, какъ и чѣмъ бы разогнать эту вѣчную скуку, отъ которой красота и заученая свѣтская любезность не спасаютъ: нѣтъ въ тебѣ, такъ не ищи на селѣ, говоритъ пословица, коли на душѣ суетно и пусто, коли обязаности дать на пользу другихъ не понимаешь, то при всей роскоши и обиліи встоскуешься сердцемъ, потому что совѣсть не даетъ покою. Но провидѣнье ходило дядькой за Васильемъ съ Агафьей, не дало имъ погибнуть въ житейскомъ омутѣ, и наконецъ пристроило ихъ по заслугамъ, давъ трудовой и надежный кусокъ хлѣба.

ЕЩЕ МОМЫРИ.

Стояла самая докучливая осенняя распутица. Говорятъ: весною, ведро воды, ложка грязи; а осенью, ложка воды — ведро грязи. Можно себѣ представить, каковы были негаченыя дороги по чернозему, каковы хляби бездонныхъ колдобинъ, когда уже болѣе недѣли по ночамъ дождь лилъ, словно изъ прорванаго мѣху, а днемъ мжичка мжила, сѣялъ ситничекъ съ утра до ночи! Да это и топоръ насквозь промокнетъ, не только зипунъ, и мужикъ поневолѣ на печи сидитъ, поджидая, чтобы одежа и обувъ обсохла, коли перемѣниться нечѣмъ.

Мокредь сверху, топь снизу, глазки оконъ глядятъ на темну ноченьку и не зги не видятъ. По улицѣ тянется почтовая, перекладная тройка, колокольчикъ вяло побрякиваетъ вмѣру конскаго шагу, какъ

коренная покачиваетъ головою, будто и онъ также выбился изъ силъ, вмѣстѣ съ бѣдными конями: они идутъ не только шагомъ, ступою, хотя везутъ легкую тележенку съ однимъ сѣдокомъ и однимъ чемоданишкомъ. Колокольчику вторитъ чавканье копытъ въ бездонной грязи, да крикъ ямщика — хотя ямщикъ вскрикивалъ и понукалъ, какъ казалось, болѣе въ утѣшенье и успокоенье сѣдока, чѣмъ для поощренья лошадей: эти притупѣли уже ко всѣмъ увѣщеваніямъ, и даже отъ кнута не отмахивались болѣе хвостомъ. И самъ сѣдокъ, испытавъ все, потерялъ всякую надежду ободрить бѣдную скотину черезъ ямщика, а потому сидѣлъ молча, закутавшись въ бурку, думая: авось хоть на этой станціи попадутся годныя лошади, и не будутъ тащить меня восемь часовъ одинъ перегонъ...

Но авось хорошъ на посулѣ, а какъ до дѣла дойдетъ, то плутъ этотъ частенько обманываетъ.

Село огромное, телега тащится битый часъ по прямой, столбовой улицѣ –

наконецъ останавливается среди улицы, въ пятнадцати шагахъ отъ крыльца – ближе ѣзды нѣтъ, тамъ бездонная топь. Надо брести пѣши, чуть не вплавь. Въ окнахъ станціи нѣтъ свѣту.

Не хороша примѣта, подумалъ офицеръ, входя въ темную избу, и сталъ громкимъ голосомъ звать смотрителя и требовать огня. Отвѣту не было, но проѣзжему показалось впотьмахъ, будто что тихонько прошелестѣло мимо его, и дверь быстро отворилась и опять притворилась. Мертвая тишина.

Послѣ долгаго шуму и крику офицера, который, то шарилъ по избѣ, то выходилъ въ сѣни, то на одно крыльцо, то на другое, наконецъ явился съежившійся въ бѣдственомъ положеніи своемъ мужичекъ, съ огаркомъ въ рукѣ, и оказалось, что это ямской староста. На требованье лошадей, онъ отвѣчалъ громкимъ, отчаянымъ вздохомъ и зловѣщимъ почесомъ въ сѣдой головѣ.

— Ну, что же!

Да что хотите дѣлайте, батюшка, воля ваша — вонъ на той половинѣ трое проѣзжихъ ночуютъ, и ихъ–то, не знаю, отправимъ ли завтра; влоскъ положили лошадей; половину конюшни по дорогамъ раскидали – хоть самому утопиться, такъ впору!

— Да смотритель гдѣ, подай мнѣ смотрителя!

Староста заминался, все опять сворачивалъ речь на Божью волю, на распутицу, и приглашалъ проѣзжаго хоть сейчасъ самому осмотрѣть пустыя конюшни. Офицеръ понялъ, что отчаяный смотритель, покинувъ честь и мѣсто, бѣжалъ куда–нибудь и спрятался. Очевидно тутъ уже не было ни какой надежды. Ни крикъ, и угрозы, ни просьбы и обѣщанье наводку и начай, ничего не помогало; на нѣтъ и суда нѣтъ, и во всякомъ случаѣ троихъ проѣзжихъ надо было отправить напередъ.

Подумавъ, офицеръ, не смотря на топь по улицамъ, пошелъ воевать на село, настойчиво требуя обывательскихъ

лошадей, по недостатку почтовыхъ, хотя онъ, съ одною подорожною и безъ открытаго листа, невправѣ былъ этого требовать.

Измученый, измокшій, въ грязи по колѣни, отыскалъ онъ впотьмахъ сотскаго, а съ нимъ старосту, и съ ними отправился въ контору, гдѣ провожатые его разошлись, подъ предлогомъ отыскать писаря, и сами пропали. Соскучась дожидаться, офицеръ опять принялся шумѣть, требуя, чтобы его вели къ управителю, или къ старшему начальнику, какой есть на селѣ. Управитель на ярмаркѣ, отвѣчали ему, съ сукнами поѣхалъ, да для закупки шерсти, а старшій у насъ, что правитъ фабриками, да онъ въ такія дѣла не входитъ. Все равно, отвѣчалъ тотъ, ведите меня къ нему!

Выслушавъ спокойно всѣ жалобы проѣзжаго, тот отвѣчалъ ему: дѣло это не мое, я по земству не распорядчикъ, это дѣло старосты. Но офицеръ, измученый ночною ходьбой по болоту, сталъ подымать голосъ выше и выше, настаивалъ, просилъ, стращалъ, и послѣ долгихъ переговоровъ,

отказавшись отъ гостепріимнаго приглашенья хозяина переночевать у него, сталъ упрашивать, чтобы ему наконецъ хоть добыли наемныхъ лошадей.

И это трудно будетъ, сказалъ, тотъ, посудите сами: глухая ночь, слякоть, распутица, коней заморишь – кто теперь поѣдетъ! Да пожалуйте видъ свой, продолжалъ онъ, по какому вы ѣдете, коли вамъ слѣдуютъ обывательскія, то я похлопочу за васъ.

Офицеръ подалъ ему подорожную свою. Пробѣжавъ ее, хозяинъ задумчиво опустилъ руку, глядѣлъ нѣсколько секундъ какъ–то странно на своего незванаго гостя, и спросилъ, еще болѣе мягкимъ голосомъ, чѣмъ обычно говорилъ: такъ вы это сами, это ваша подорожная — и не дожидаясь отвѣта, живо закричалъ: да чего же я глядѣлъ, и гдѣ у меня глаза были, что не видѣлъ, съ кѣмъ говорю! Агаша, Агаша, радость въ домѣ! Иди сюда, Агашенька, иди на мировую! Вотъ мы съ гостемъ полчаса бранимся, а выходитъ, надо мириться, хочешь не хочешь, а надо!

Гость ничего не понималъ, и только оглядывался, растерявшись, то туда, то сюда, да и Агафья также. Вы Николай Момыревъ, продолжалъ тотъ, а я Василій Момыревъ, родной старшій братъ твой, вывезеный господами за границу, и теперь узнающій тебя въ лице!

Братья просидѣли всю ночь въ бесѣдѣ, Агафья Ивановна хлопотала, то съ самоваромъ, то съ ужиномъ, и лишь на зарѣ всѣ улеглись спать. Проснувшись, оба брата были еще словно въ чаду, смутно припоминая и распутывая эту дивную встрѣчу. Ну что, братъ, сказалъ Василій, обнявшись съ Николаемъ и садясь съ нимъ за чай, очень тебѣ спѣшно ѣхать въ эту мокропогодицу?

Какой спѣшно, отвѣчалъ тотъ, и куда же я поѣду? Вѣдь я вчера–то бушевалъ попусту, со скуки и съ нетерпѣнья; я ѣхалъ, какъ уже говорилъ тебѣ, въ отпускъ домой, въ родные Момыри, хотѣлъ потѣшить собою нашихъ покойныхъ старичковъ — а коли тамъ никого нѣтъ, такъ вѣдь мнѣ и ѣхать некуда!

Вотъ видишь ли, отвѣчалъ тотъ, для того–то тебѣ судьба и не дала лошадей, чтобы ты понапрасну не прокатился туда, и привела тебя прямо сюда, гдѣ тебѣ слѣдуетъ погостить!

Черезъ нѣсколько времени, когда Василій поближе узналъ брата и онъ ему показался путнымъ человѣкомъ, оба сидѣли, бесѣдуя, и первый повелъ такую, давно обдуманую имъ рѣчь:

Скажи мнѣ, братъ, какъ на духу, какъ передъ Богомъ, какимъ ты сталъ человѣкомъ? не чудись такому вопросу, вѣдь мы растались ребятами, а ты еще и малъ былъ, мы другъ друга не знаемъ – ты мнѣ самъ про себя скажи: боишься ли ты Бога, милосердъ ли до людей, твердъ ли въ словѣ, стоекъ ли на дѣлѣ, въ правдѣ, свято ли у тебя на рукахъ чужое добро?

— Много больно ты спросилъ меня въ одинъ духъ, Василій Сафроновичъ, даже отвѣчать страшно, сказалъ на нежданую речь эту Николай.

Коли страшно, проговорилъ тотъ, такъ это добрый знакъ: страхъ Божій первое

дѣло: такъ отвѣчай же мнѣ, Николай, подъ страхомъ Божьимъ, на спросъ мой!

Можетъ статься, отвѣчалъ тотъ скромно, васъ–то въ сомнѣнье ввело, что я, пріѣхавъ на село, пошумѣлъ — такъ вѣдь вывела меня изъ терпѣнья несуразная дорога эта, да лошади, да смотрители, вѣдь больно я измучился; притомъ же это солдатская привычка, ну пошумѣлъ, а худа я никому не сдѣлалъ... А Бога я боюсь, Василій, завѣдомо зла не творю, а грѣшить — грѣшу нехотя, какъ всякій, но молю Бога, чтобъ мое отнялъ, коли такъ соизволитъ, а меня на чужое не попускалъ. Вотъ ты меня въ похвальбу втянулъ, Василій Софроновичъ — да я передъ тобою говорю, не передъ людми: кабы я былъ негодный человѣкъ, такъ и начальство не вывело бъ меня въ люди; хоть и за отвагу получилъ я прапорщика, а все, стало быть, Богъ попустилъ, не самъ дошелъ; положимъ, что самъ и полѣзешь на стѣну, да самъ собой не воротишься, это Божья рука; опять тоже начальство, будь я негодный человѣкъ, не сразу дало бы

унтеру и прапорщика, и вотъ этотъ знакъ — воля твоя, братъ, отъ грѣха не отрекаюсь, кто ему не причастенъ, а завѣдомо никакой неправды не сотворю...

Ну, а это же ты какъ разсудишь, Николай: ѣдетъ офицеръ въ отпускъ по одной подорожной, открытаго листа у него нѣтъ, да еще и по своей нуждѣ ѣдетъ, домой, а требуетъ обывательскихъ коней и шумитъ; положимъ, на селѣ поддались острасткѣ его, нарядили ему парную подводу, такъ по правдѣ ли онъ поѣхалъ бы на мужикѣ, да — еще и въ такую распутицу, когда, по закону, мужикъ везти его не обязанъ?

Николай призадумался, и сказалъ вполголоса: да, вотъ онѣ каковы, солдатскія–тѣ замашки — а вѣдь мнѣ чаялось, что тутъ нѣтъ худа! Ну, Василій Сафроновичъ, вѣдь это дѣлалъ я по худому разуму своему, на другихъ глядя, а теперь не стану, спасибо что ума далъ!

Вотъ это ты хорошо говоришь Николай. Ну, станемъ толковать дальше, авось до чего нибудь дотолкуемся. Ты ночесь

помянулъ, что кабы мѣстечко какое далось, такъ ты бы и распростился съ солдатчиной; вотъ почему я тебя и спросилъ на совѣсть, прямо тебѣ въ глаза глядя, каковъ ты человѣкъ, чтобы мнѣ вѣрителя своего, ради родства нашего, не обмануть — а куда бы намъ хорошо пожить съ тобою вмѣстѣ, словно не даромъ Богъ свелъ! Мѣстечко есть подлѣ дому, дѣла не мудрыя, а человѣка прокормитъ: я мастеръ при фабрикѣ, а дружка мнѣ, хозяинъ и расходчикъ; мы, самтретей съ управляющимъ, который теперь уѣхалъ на ярмарку, составляемъ вотчиное правленье; этого–то третьяго у насъ теперь нѣтъ, а хозяинъ довѣрилъ мнѣ искать себѣ товарища. Грамотность и счетоводство твое я знаю —я не даромъ задавалъ тебѣ задачи да заставлялъ повѣрять книги — но ты, Николай, зря не соблазняйся: подумай, да перекстясь по совѣсти скажи, по тебѣ ли будетъ такое мѣсто?

При помощи Божьей да твоей, Василій Сафроновичъ, надѣюсь управиться; что

сглупа сдѣлаю, за то не поручусь, а душой не покривлю.

Такъ по рукамъ, сказалъ Василій, обнимая брата: поживемъ, да поработаемъ рука объ–руку, дружно не грузно!

Агафья Ивановна съ радости кинулась мужу на шею, обняла и отъ души поздравила деверя. Что же, говорила она, вѣдь соскучишься тутъ у насъ одинъ, надо бы и тебѣ по нашему сдѣлать!

За этимъ дѣло не станетъ, отвѣчалъ тотъ: былъ бы свой шестокъ, будетъ и щей горшокъ!

Ну такъ, сказалъ Василій, занозила его какая–нибудь полячка.

Нѣтъ, братъ, не полячка, отвѣчалъ радостный Николай, она русская, только немножко хохлушка... да за то какой борщъ варитъ...

Ну и слава Богу, покончилъ Василій, и я твой частый гость буду: моя Агафьюшка на такой жидели просидѣла въ Парижѣ, что и наварныя щи варить разучилась: ину пору плетью ударить — и пузырь не вскочитъ!

В. ДАЛЬ.